

Осьмухина О. Ю. «Нордический (скандинавский) нуар» vs скандинавский детектив : дискуссионный аспект изучения / О. Ю. Осьмухина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 1. — С. 246—265. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-246-265.

Osmukhina, O. Yu. (2023). “Nordic (Scandinavian) Noir” vs Scandinavian Detective: a Debatable Aspect of Study. *Nauchnyi dialog*, 12 (1): 246-265. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-246-265. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-246-265

**«Нордический
(скандинавский) нуар»
vs скандинавский детектив:
дискуссионный аспект
изучения**

Осьмухина Ольга Юрьевна
orcid.org/0000-0002-1456-4793
доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
русской и зарубежной литературы
osmukhina@inbox.ru

Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(Саранск, Россия)

**“Nordic (Scandinavian) Noir”
vs Scandinavian Detective:
a Debatable Aspect of Study**

Olga Yu. Osmukhina
orcid.org/0000-0002-1456-4793
Doctor of Philology, Professor
Head of the Department
of Russian and Foreign Literature
osmukhina@inbox.ru

National Research Ogarev
Mordovia State University
(Saransk, Russia)

© Осьмухина О. Ю., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается феномен «нордического (скандинавского) нуара», сформировавшегося в литературе Северной Европы в последние два десятилетия. Автор рассматривает произведения шведских, датских, норвежских прозаиков и доказывает недостаточную правомерность их отнесения к «нуару». Обосновывается термин *нуар*. На основе анализа романов С. Ларссона, Ю Несбё, Х. Флод, М. Линдстин, А. Метте Ханкок утверждается релевантность именно термина *детектив* применительно к творчеству норвежских, шведских и датских прозаиков. Установлено, что ни к одному из новейших скандинавских романов не применима дефиниция «скандинавский (нордический) нуар». В жанровом отношении фактически каждое из этих произведений представляет собой детектив, сочетающий в себе и другие жанровые элементы. «Миллениум» С. Ларссона, «Снеговик», «Леопард», «Красношейка» Ю Несбё, «Трупный цветок» А. М. Ханкок синтезируют элементы детектива, семейного и социального романа. «Терапевт» Х. Флод представляет собой синтез психологического триллера и детектива. «Секта с туманного острова» М. Линдстин сочетает свойства готического романа (замкнутый хронотоп усадьбы, являющийся аналогом замкового хронотопа; наличие героя-злодея, определяющего сюжетное развертывание) и психологического детектива (героиня-расследователь, реконструирующая события прошлого, опирающаяся на логику в раскрытии тайны и придающая реалистическую мотивировку происходящему).

Ключевые слова:

нуар; детектив; современная скандинавская литература.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The phenomenon of “Nordic (Scandinavian) noir”, which has formed in the literature of Northern Europe in the last two decades, is studied. The author considers the works of Swedish, Danish, Norwegian prose writers and proves the insufficient legitimacy of their attribution to “noir”. The term *noir* is substantiated. Based on the analysis of the novels by S. Larsson, J. Nesbø, H. Flood, M. Lindstein, A. Mette Hancock, the relevance of the term detective in relation to the work of Norwegian, Swedish and Danish prose writers is stated. It has been established that the definition of “Scandinavian (Nordic) noir” is not applicable to any of the newest Scandinavian novels. In terms of genre, in fact, each of these works is a detective story that combines other genre elements. “Millennium” by S. Larsson, “The Snowman”, “Leopard”, “Redneck” by J. Nesbø, “Corpse Flower” by A. M. Hancock synthesize elements of a detective, family and social novel. “The Therapist” H. Flod is a synthesis of a psychological thriller and a detective story. “A sect from a misty island” by M. Lindstein combines the properties of a gothic novel (a closed chronotope of a manor, which is an analogue of a castle chronotope; the presence of a villain hero who determines the plot deployment) and a psychological detective story (an investigating heroine who reconstructs the events of the past, relying on logic to solve the mystery and giving realistic motivation to what is happening).

Key words:

noir; detective; modern Scandinavian literature.

«Нордический (скандинавский) нуар» vs скандинавский детектив: дискуссионный аспект изучения

© Осьмухина О. Ю., 2023

1. Введение = Introduction

Общеизвестно, что настоящий всплеск популярности скандинавской литературы и кинематографа в России пришелся на последнее десятилетие, что было связано прежде всего с публикацией на русском языке трилогии «Миллениум» шведского журналиста Стига Ларссона (2005—2007; рус. перевод 2009—2019) с последующей экранизацией всех её трёх частей шведскими режиссерами в 2009 году и голливудской версией Д. Финчера «Девушки с татуировкой дракона» в 2011 году. Вслед за этим популярность обретают серия о Харри Холме и романы «Сын», «Королевство» норвежского прозаика Ю Несбё, ставшие международными бестселлерами романы Камиллы Лэкберг (от «Ледяной принцессы» и «Проповедника» до «Укротителя» и «Ведьмы»), ретро-детективы «1793», «1794», «1795» начинающего шведского писателя Никласа Натт-о-Дага, «Секта с туманного острова» шведки Мариэтт Линдстин, дебютный роман «Терапевт» норвежки Хелене Флод, фактически случайно открытой в 2020 году литературным редактором Ю Несбё, а также шведско-датский сериал «Мост» (2011—2018), датский «Убийство» (2011—2013), созданные в одной стилистике. Мы назвали наиболее примечательные примеры, но список, безусловно, можно продолжить. Как отметила в одном из интервью авторитетный эксперт скандинавского кино и редактор веб-сайта «Cinema Scandinavia» Эмма Вестрхейм, отвечая на вопрос о причинах популярности «нордического нуара», «I think what makes Nordic Noir stand out is because, first and foremost, crime is a genre that can be easily translated to other countries and cultures. <...> Additionally, I think what made Nordic Noir so big is the fact that in the last 10 years, Scandinavia has become this cool and trendy region. Whenever someone hears about Scandinavia, it's normally about how Utopian, modern, safe, and equal the countries are. Nordic Noir breaks down this perception of Scandinavia» / «Я думаю, что нордический нуар выделяется тем, что, в первую очередь, это криминальный жанр, который может быть легко транслирован на другие страны и культуры <...> Кроме того, я думаю, что столь популярным нордический нуар сделал тот факт, что за последние 10 лет Скандинавия стала крутым и модным регионом. Всякий раз, когда кто-то слышит о Скандинавии, обычно речь идет о том, насколько эти

страны утопичны, современны, безопасны и равноправны. Нордический нуар разрушает это представление о Скандинавии» (перевод наш. — О. О.) [Interview ..., 2019].

Объект нашего исследования — феномен так называемого «нордического (скандинавского) нуара», сформировавшегося и обретшего популярность в последние два десятилетия. В связи с актуализацией интереса отечественной и западной литературной критики и литературоведения к этому явлению [Алешничева, 2014; Каплун, 2014; Козина, 2014; Шарапенкова, Сафрон, 2022; Bergman, 2014, 2018; Forshaw, 2013; Gallanger, 2013; Lesser, 2020; Miller, 2010; Nestingen, 2011; Povlsen, 2011 и др.] обращение к нему представляется весьма перспективным и своевременным, поскольку в пристальном изучении нуждается не только обширный пласт подобных текстов, но требует конкретизации и сама дефиниция «нордический (скандинавский) нуар». **Научная новизна** настоящей статьи состоит в том, что предпринятый впервые комплексный анализ скандинавских романов позволит, во-первых, дать терминологически обоснованное определение этому феномену; во-вторых, расширить научное представление о сущности нуара и отграничить его от современного скандинавского детектива; в-третьих, осмыслить специфику его хронотопа и персонажной системы.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Материал исследования составили шведско-норвежско-датские романы Мариэтт Линдстин «Секта с туманного острова», «Терапевт» Хелен Флод, серия о Харри Холле и «Королевство» Ю Несбё, трилогия «Милле ниум» Стига Ларссона, «Трупный цветок» Анне Метте Ханкок.

В своей статье автор использовал **историко-функциональный метод**, позволяющий обнаружить схожие особенности «скандинавского (нордического) нуара», сближающие его с детективом и отличающие от «нуара»; **сравнительно-исторический**, благодаря которому были выявлены важнейшие общие «составляющие» произведений С. Ларссона, Ю Несбё, М. Линдстин, Х. Флод, А. М. Ханкок; **метод целостного анализа** литературного произведения, давший возможность осмыслить жанровые особенности скандинавского романа в неразрывной связи и единстве с его образно-тематическим и персонажным уровнями.

Теоретической базой нашей статьи явились работы, посвященные тем или иным аспектам изучения современного скандинавского романа [Алешничева, 2014; Каплун, 2014; Кобленкова, 2016; Козина, 2014; Шарапенкова, Сафрон, 2022; Bergman, 2013, 2018, 2019; Forshaw, 2013; Gallanger, 2013; Lesser, 2020; Miller, 2010; Nestingen, 2011; Povlsen, 2011], детективного жанра [Вулис; Казачкова, 2015; Осьмухина, 2019; Chandler, 1959; Symons,

1992; The Poetics of Murder, 1983]. Особую значимость в решении стоящих перед нами задач имели исследования, в которых непосредственно анализируются феномены не только «нордического (скандинавского) нуара», но и нуара вообще [Васильченко, 2019; Осьмухина, Куряев, 2018; Пономарева, Пономарева, 2020; Пушкин, 2016].

Практическая значимость статьи состоит в том, что её материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах теории литературы, истории мировой литературы, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных современной скандинавской прозе в целом и творчеству отдельных её представителей, в частности.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Скандинавский (нордический) нуар»: история вопроса

Столь обширный пласт литературной и кинопродукции, произведенный скандинавами и погружающий читателя в реалии Северной Европы, в современной гуманитаристике однозначного терминологического наименования так и не получил. Отечественными исследователями (И. Новицкая, М. Каплун, Ю. Козина) он упорно именуется «скандинавский нуар» [Каплун, 2014; Козина, 2014; Новицкая, 2019]; исключение составляют, пожалуй, лишь статьи О. В. Тихоновой [Тихонова, 2014, 2016]. В западных работах Керстин Бергман, Барри Форшоу, Лауры Миллер для характеристики кино и литературы наряду с «Nordic Noir» («нордический нуар») [Bergman, 2014, 2018; Forshaw, 2013; Miller, 2010] используется более обобщенное «Scandinavian Crime Fiction» [Nestingen, 2011]. Прежде чем вести разговор непосредственно о самом явлении, необходимо осмыслить его сущностные свойства и жанровую специфику; принципиально важно, на наш взгляд, определиться с терминологическим аппаратом, поскольку разнообразные варианты определений отличаются недостатками, главный из которых состоит в том, что они не раскрывают сущность обозначаемого этим понятием явления. Как справедливо отмечает Е. В. Титова, «довольно часто значительная часть понятий и терминов, через которые описывается предмет исследования, являются либо не определенными, то есть не имеющими точного определения, либо неоднозначными, то есть употребляющимися в различных, не всегда разводимых, значениях. В свое время К.-Г. Юнг в отношении психологии заметил: “употребляя термин, мы должны определить его значение, в противном случае мы будем говорить на невразумительном языке, а для психологии это просто несчастье”» [Титова, 2010]. То же в полной мере относится и к литературоведению, для которого «уточнение и формирование научного языка до сих пор продолжает оставаться актуальным, а та “невразумительность”, которая имеет место даже

в современных научных текстах и речах, есть действительное несчастье. При построении понятийно-терминологического аппарата любой науки принято руководствоваться требованием (принципом) однозначности терминов, согласно которому каждому термину должно соответствовать лишь одно значение. Иначе говоря, термин, избираемый для обозначения какого-либо объекта в языке науки, не должен использоваться для обозначения другого объекта в том же языке» [Там же].

На наш взгляд, из трех терминологических понятий ни одна дефиниция не пригодна для описания указанного объекта исследования. «Scandinavian Crime Fiction» слишком широкое, не отражающее сути того, о чём идет речь, и фактически подразумевает криминальную литературу, включающую и «бульварную» продукцию, и классический детектив, и «авантюрное расследование» (термин Н. Н. Кириленко), и полицейский роман, и «расследование жертвы» [Федунина], «сделанную» писателями-скандинавами на языках скандинавских стран. Однако и термины «Scandinavian Noir» и «Nordic Noir» вряд ли можно счесть уместными. Поясним, что мы имеем в виду.

«Нордический нуар» как субжанровое явление в Скандинавии вообще не укоренён. Общеизвестно, что своё начало «нордический нуар» берет в кинематографе и генетически восходит, во-первых, к «Аляска-триллерам» («Ледяное безмолвие», реж. Питер Мастерсон, 1993; «Бессонница», реж. Эрик Шёлдбьерг, 1997 и римейк реж. Кристофер Нолан, 2002; «На грани», 1997; «Схватка», 2011). Действие в каждом из них происходит на Крайнем Севере, где большую часть года занимает полярная ночь, чаще всего на Аляске; практически во всех картинах так или иначе изображается противостояние человека и враждебной среды (достаточно вспомнить мучительную бессонницу и раздражающий свет из окна в мотеле героя Аль Пачино Дормера, прилетевшего из Лос-Анджелеса в захолустный Найтмьют на Аляске в «Бессоннице» Кр. Нолана); финал всех «Аляска-триллеров» открытый — не вполне понятно, кто же остался победителем: так, в «Схватке» герой Лиам Ниссона Джон Оттуэй умирает в последнем кадре, навалившись на тело убитого им волка; в «Бессоннице» Уилл Дормер, застреливший убийцу Финча, умирает от его же пули со словами «Я хочу спать...».

Во-вторых, источником «нордического нуара» являются «прибрежные детективы» [Васильченко, 2019, с. 303], традиция которых берет начало в романах А. Кристи, построенных по одной и той же сюжетной схеме: в локальном пространстве небольшого провинциального городка, где все действующие лица знают друг друга, происходит ужасное преступление, в ходе расследования которого выясняется, что под видом благополучия и благопристойности скрываются самые пугающие тайны. Наиболее примечательными примерами являются романы А. Кристи «Загадочное происшествие

в Стайлзе», где действие разворачивается в усадьбе Стайлз-Корт графства Эссекс; «Объявлено убийство», сюжет которого разворачивается в деревушке Чиппинг-Клегхорн; «Загадка Ситтафорда», «Убийство в доме викария» и др. В кинематографе эта же схема максимально реализована в «Догвилле» Ларса фон Триера (2003), где все жители городка в Скалистых горах оказываются полными чудовищами, с которыми главная героиня Грэйс Маллиган в исполнении Николь Кидман расправляется в финале. Таким образом, становится очевидно, что генезис «нордического нуара» никоим образом не соотносится со Скандинавией. Более того, весь, условно говоря, шведско-норвежско-датский литературно-кинематографический поток последнего десятилетия не вполне правомерно обозначать «нуаром».

Напомним, что термином *нуар*, появившимся благодаря кинокритику Нино Франко в 1946 году, была обозначена стилистика голливудских кинолент «Двойная страховка» Билли Уайлдера, «Женщина в окне» Фрица Ланга, «Мальтийский сокол» Джона Хьюстона, «Лора» Отто Премингера. Все они отличались эротизмом, мотивами фатума, особой таинственной атмосферой. В этом же году Борис Виан на просьбу одного из парижских издательств о книге, которая могла бы конкурировать с «Черной серией» издательского дома «Галлимар», выпускает под псевдонимом Вернон Салливан имевший оглушительный успех и едва не вызвавший судебное разбирательство роман «Я приду плюнуть на ваши могилы», пронизанный жестокостью, похотью и изображающий склонного к необъяснимому саморазрушению героя. В результате термин *нуар* закрепляется сначала в киноиндустрии, а затем к середине 1950-х годов и в литературе, где связывается с творчеством Корнелла Вулрича, чьи «черные романы» активно экранизировались, в том числе А. Хичкоком («Окно во двор», 1954) и Фр. Трюффо («Невеста была в черном», 1968), а также Дэшила Хэммета, Рэймонда Чандлера и Джеймса М. Кейна.

Эстетика нуара, детально проанализированная А. В. Васильченко [Васильченко, 2019], характеризуется рядом устойчивых черт. Во-первых, сюжет разворачивается в мрачной атмосфере города, причем город становится символом плотских желаний, развращенности, а также и маркирует экзистенциальное одиночество героя, разобщенность персонажей, его населяющих [Осьмухина и др., 2018]. Во-вторых, действие строится на анализе психологии преступника, которая показывается «изнутри», при этом насилие эстетизируется, создает параноидальную атмосферу, схожую с кошмарным сном. В-третьих, преступления могут быть самыми изощренными, убийцей оказывается кто угодно, причем преступники незаурядны, способны к философствованию или к рефлексии, а жертва чаще всего сама виновата не меньше преступника. В-четвертых, главным героем в нуаре, как правило, яв-

ляется частный детектив, не молодой, не отличающийся свойствами «супермена», занимающий «промежуточное» положение между криминалитетом и полицией, а потому балансирующий на грани законности, нередко рискующий жизнью во исполнение договора с нанимателем [Васильченко, 2019; Пономарева и др., 2020]. В-пятых, главного героя в нуаре всегда окружают женщины, роковые красавицы, умело манипулирующие окружающими, являющиеся воплощением эротизма, губящие и мужчин, и самих себя. Наконец, реалистичность происходящего в нуаре сочетается с нелогичностью поведения персонажей, неожиданными поворотами сюжета, что в конечном итоге создает атмосферу страха и усиливает чувство читательской (зрительской) тревоги, дезориентирует реципиента.

Некоторые исследователи пытаются вывести «скандинавский нуар» от творчества норвежского прозаика Морица Кристофера Хансена, опубликовавшего в начале XIX века новеллу «Сумасшедший христианин», однако согласимся с мнением А. В. Васильченко в том, что это «не более чем спекулятивная попытка, присущая многим периферийным явлениям, которые стремятся во что бы то ни стало быть частью общемировых трендов» [Васильченко, 2019, с. 304].

3.2. Художественное своеобразие современного скандинавского детективного романа

Действие практически всех романов, причисляемых к «скандинавскому (нордическому) нуару», происходит отнюдь не в городе, но в провинции. Так, в трилогии Стига Ларссона, по сути, благодаря которому русские читатели в начале 2000-х заново открыли для себя скандинавскую литературу, события разворачиваются в основном либо вдали от большого города, либо не в нём одном. В «Девушке, которая играла с огнем» и «Девушке, которая взрывала воздушные замки» действие происходит не только и не столько в Стокгольме, но и в Соллебрунне, Носсебру, в усадьбе Залаченко в Госсеберге. В «Девушке с татуировкой дракона» Блумквист заключает договор с Хенриком Вангером и поселяется на острове Хедебю, который «представлял собой кусок земли неправильной формы, вытянутый километров на десять в длину и в самом широком месте едва достигавший полутора километров. Большую часть острова занимал лес. Постройки располагались поблизости от моста и вокруг маленькой лодочной гавани; на дальней стороне острова имелось только одно хозяйство, Эстергورد» [Ларссон, 2012с, с. 115]. В «Королевстве» Ю Несбё все сюжетные коллизии разворачиваются на ферме, находящейся в горах, удаленной не только от столицы, но и от близлежащей деревни: «Я обвел взглядом окрестности. Те, что не заволокло туманом. Горный склон по другую сторону долины словно вырисовывался из серого моря. <...> Порой туристы поднимаются по извилистой дороге из

деревни, чтобы посмотреть, какой отсюда открывается вид, и тогда они рано или поздно оказываются у меня во дворе. <...> высокогорная ферма — это прежде всего пастбище для скота, настоящее пустынное королевство» [Несбё, 2021, с. 13—14]. В его же «Снеговике» события переносятся из Румиреке в Осло, в окрестности Бергена, в Берген [Несбё, 2018]. В «Терапевте» Хелене Флод герои хотя и действуют в Осло, но пространство города сжимается до минихронотопов и локализуется в квартире и кабинете частного психотерапевта Сары в районе Нурберга и отчасти в квартире ее сестры и доме отца [Флод, 2020], равно как и в «Трупном цветке» Анне Метте Ханкок, где Элоиза и Шефер перемещаются по Копенгагену (офис, квартира, полицейский участок), а во время их пребывания в Париже пространство вообще сужается до локуса тюрьмы. В «Секте с туманного острова» Мариэтт Линдстин место действия фактически заявлено уже в заглавии, и действительно, усадьба «Виа Терра» расположена на острове, отрезанном от материка, добраться на который можно исключительно по морю на пароме: «Впереди начал величественно проступать остров, контуры елей на холмах, покоящиеся в гавани лодки и кое-где тени домов. <...> Туман рассеивался. <...> По обеим сторонам острова вдоль берега идут дороги <...> А в глубине находятся в основном лес и торфяники. <...> На северной оконечности острова есть видовая площадка, откуда можно посмотреть на Скагеррак» [Линдстин, 2020, с. 21—22]. Очевидно, что топонимика не репрезентована как разрушающая личность среда, лишена особого нуарового флёра отчуждения персонажей друг от друга.

Практически во всех романах главный герой не является экзистенциально одиноким: Рой спустя годы вновь обретает брата и возлюбленную («Королевство» Ю Несбё); у Софии есть верный друг Бенъямин, а также Бьёрк с женой, помогающие ей покинуть остров («Секта с туманного острова» М. Линдстин); даже после потери мужа Сара Латхус окружена заботой и любовью отца и сестры («Терапевт» Х. Флод); Элоиза Кальдан дружит с Гердой и Эриком Шефером и его женой («Трупный цветок» А. М. Ханкок); разведенный и живущий один Харри Холе встречается с Ракелью и любимым пасынком (серия о Харри Холе Ю Несбё); у Микаэля Блумквиста, помимо Лисбет и Эрики, есть дочь и сестра («Миллениум» С. Ларссона).

Главные герои не всегда выполняют функцию частных детективов, но если и выполняют, то заметно отличаются от их нуаровых аналогов. В «Миллениуме» С. Ларссона в роли частного детектива выступает журналист Микаэль Блумквист, но в отличие от детективов нуара он не балансирует между законностью и миром криминала, не идет на моральные компромиссы, напротив: «Доверие — это <...> его главный капитал. Он создал себе образ блюстителя морали в мире предпринимательства» [Ларссон, 2012а,

с. 63]. Вполне сопоставима с ним и Элоиза Кальдан из «Трупного цветка», начинающая расследование обвинённой в убийстве Анны Киль, для которой журналистская этика превыше всего: «Я была честна» [Ханкок, 2021, с. 17]. В «Королевстве» Ю Несбё главный герой, от лица которого ведется повествование, живущий на удаленной ферме Рой Абель Олгард вообще занимается бензозаправками. Рой ведет почти затворническую, лишенную каких-либо событий жизнь, но ровно до возвращения брата Карла, чье появление и воскрешает в памяти Роя те преступления, которые были совершены много лет назад, в том числе им из братской любви, и тянет за собой вереницу новых убийств, в которых, а заодно и в себе Рою предстоит разобраться. В «Секте с туманного острова» М. Линдстин и в «Терапевте» Х. Флод «детektивами» становятся сами женщины-жертвы. Так, София в «Секте...», по непонятным для неё же самой причинам, остается в «Виа Терре»: «В дальнейшем она будет бесчисленное количество раз копаться в себе. “Почему, скажите на милость? Что на меня нашло? Как я могла?” Она всегда приходила к одному и тому же выводу. Это была некая комбинация. Притягательная, неотразимая смесь. Красивый остров, повсюду роскошь, еда, сон, ощущение после тезисов; но главным образом — <...> Освальд и его притягательная сила. Здесь речь шла не о секте или культе, а о чем-то совершенно другом. Почти что о новом мире, осуществленной мечте о будущем» [Линдстин, 2020, с. 53]. И лишь когда героиня понимает, что в усадьбе происходит нечто необъяснимое и преступное, а вырваться за ее пределы невозможно, она берётся за собственное расследование. Сара Латхус в «Терапевте», в отличие от полицейских, которым «за целую неделю выявить подозреваемых не удалось», но «вполне возможно, что дело будет раскрыто» [Флод, 2020, с. 334], путем скрупулезного анализа произошедшего самостоятельно доходит до осознания того, что убийцей ее мужа стал ее же собственный отец: «Папа, видящий в семье единственную святыню. Считающий, что за неверность следует наказывать. Поборник общественных инициатив, гражданской обороны и самосуда, если этого требуют интересы стаи. <...> Папа сторонник крайних мер. <...> Папа знал про Сигурда и Веру. <...> Но он не отвернулся, пожал плечами <...> И это папа, не сохранивший ни одного моего рисунка <...> Не помнящий, как зовут моих подруг, забывающий поздравить меня на день рождения <...> И тем не менее готовый ради меня на все, если сам сочтет это необходимым» [Флод, 2020, с. 344—345]. Пожалуй, лишь Харри Холм отчасти соответствует образу детектива нуара: разведенный герой-одиночка, не очень молодой, изрядно потрепанный («стиль Харри — эдакая небрежность человека слегка “под мухой” <...> такой рок-н-ролльный» [Несбё, 2017, с. 28—29]), страдает алкоголизмом, красавцем его тоже назвать нельзя; нередко он подвергается суровым испытаниям буквально накануне счастли-

вой развязки («Снеговик», «Леопард», «Красношейка»), рискует жизнью и способен на самопожертвование. При этом он не частное лицо, он — полицейский, руководствующийся при раскрытии преступлений прежде всего не личными, своекорыстными мотивами или болезненным любопытством, как традиционные персонажи нуара, но профессиональным долгом, о чем говорит ему бывшая жена: «Ты сам и есть работа, и движет тобой не любовь, не ответственность. А солидарность. Никаких личных устремлений, вот в чем дело <...> А это неправильно, Харри, так быть не должно» [Несбё, 2017, с. 37]. Таким образом, положительные главные герои также никак не вписываются в эстетику нуара.

Примечательно, что и героини-женщины, спутницы персонажа-расследователя, очевидно не «дотягивают» до роковых красоток классического нуара. Так, «помощницами» Блумквиста в «Миллениуме» С. Ларссона выступают две женщины — Лисбет Саландер и Эрика Бергер. Несмотря на эффектную внешность, главный редактор «Миллениума» Эрика, принадлежащая к высшему обществу, отнюдь не является *femme fatale*: не отличающаяся ни коварством, ни склонностью к манипуляциям, она серьезна, рациональна, предана журналу, ее характеризуют прежде всего высочайшее чувство ответственности, журналистский профессионализм, независимость от любых стереотипов; двадцатилетняя связь с Блумквистом сделала ее для Микаэля не столько постоянной любовницей, сколько надежным другом и партнером. Бисексуалка Лисбет Саландер вообще абсолютно лишена физической привлекательности: «бледная, анорексически худая девушка со стрижкой “бобрик” и пирсингом на носу и бровях. На шее у неё имела татуировка в виде осы длиной в два сантиметра, одна вытатуированная цепочка обвивала бицепс левой руки, а другая — щиколотку <...> на лопатке у нее присутствует еще более крупная татуировка, изображающая дракона. Естественным цветом её волос был рыжий, но она красила их в иссиня-черный. <...> по своей конституции она от рождения была худой, тонкокостной, словно девчонка, стройной, с маленькими руками, узкими щиколотками и едва заметной под одеждой грудью. Ей было двадцать четыре года, а выглядела она на четырнадцать. Широкий рот, маленький нос и высокие скулы придавали ее внешности нечто азиатское. Двигалась она быстро, как паук, а во время работы за компьютером ее пальцы летали по клавишам с какой-то одержимостью. С таким телом на карьеру в модельном бизнесе рассчитывать не приходилось» [Ларссон, 2012с, с. 47]. При этом она не только профессиональный хакер, но еще и наделена выдающимися интеллектуальными и аналитическими способностями, невероятной интуицией и памятью, она всегда «действовала с фантазией и всегда возвращалась с чем-нибудь совершенно неожиданным <...>, ее способность

добывать информацию граничила с волшебством. Она великолепно разбиралась в бюрократических архивах и могла отыскать самых малоизвестных людей» [Ларссон, 2012с, с. 44]. У Ю Несбё в серии о Харри Холме не во всех романах главного героя сопровождает спутница, но, к примеру, в «Снеговике» такая «красотка» появляется: «Катрина Брат. <...> Смотри-ка ты, настоящая красавица! И не старается понравиться, подумал Харри. <...> Само личико было тонким, бледным и имело выражение серьезное, почти усталое, — такое Харри видел у записных красоток, которые настолько привыкли, что их вечно разглядывают, что потеряли к этому всякий интерес» [Несбё, 2018, с. 24]. Однако и ей не свойственно мрачное очарование, распутство или коварство. Её попытка в определенный момент манипулировать Харри логически объяснима и благородна: она пытается доказать невинность и вернуть честное имя собственного отца.

Фактически всем скандинавским романам присущи лишь отдельные элементы нуара: прежде всего это касается эстетизации насилия, когда совершаются и подробнейшим образом описываются самые жестокие и изощренные преступления, как, к примеру, в «Леопарде» Ю Несбё [Несбё, 2017, с. 726]. Убийцы не являются фигурами однозначно отрицательными. Так, в «Королевстве» Ю Несбё убийцами оказываются сам главный герой, склонный к рефлексии, наблюдательный и внимательный, и его брат, психологически травмированный в детстве: и если Рой жестоко мстит за насилие над любимым младшим братом своему отцу, а также, реализуя в полной мере эдипов комплекс, убивает и мать, виновную, по его мнению, в бездействии; Карл же, не задумываясь, расправляется с женой, как только понимает, что она может помешать реализации его бизнес-проекта. В «Снеговике» маньяк-убийца, отягощенный детской травмой, прекрасно образован, социально успешен, умен и расчетлив, более того, он хорошо усвоил «сценарий» идеального убийства, который в шутку озвучила его очередная жертва: «Подружись с жертвой, убей ее, а затем убей следователя» [Несбё, 2018, с. 156]. Помимо жестоких убийств женщин, офицеры полиции Катрина Братт и Харри Холм обнаруживают труп своего коллеги из Бергена Герте Рафто в холодильнике, в загородном доме Рафто, где никто не бывает, причем убийство совершено с особой изощренностью: у трупа рот вышит черными нитками, а нос вырезан — вместо него приделана морковь. В «Секте с туманного острова» М. Линдстин преступник Освальд поистине незауряден. Равно как классический готический злодей, он физически весьма привлекателен: «Высокий, хорошо сложенный <...>. Темные волосы зачесаны назад и собраны в хвост. Загар наверняка искусственный, но ему идет. Он нес аuru аккуратности и изысканности, но в то же время излучал нечто примитивное, почти животное. Однако что заставляло воздух трепетать от нетерпеливого ожида-

ния — это <...> его бросающаяся в глаза авторитетность» [Линдстин, 2020, с. 14]. Обладая «притягательной силой», он сочетает способность к философствованию, необычайное ораторское мастерство с необузданной жестокостью, умением манипулировать [Там же, с. 350—351]. В «Трупном цветке» А. М. Ханкок все члены секретного «клуба» в Нордхавнене — состоятельные, «достойные», «люди, которые живут обычной жизнью. Школьные учителя, юристы, предприниматели, врачи» [Ханкок, 2021, с. 230].

При этом атмосфера страха, тревожности создается отнюдь не за счет нелогичности поступков персонажей, как в произведениях нуара (действия главных героев-расследователей в скандинавских текстах лишены спонтанности, продуманы, выверены), но благодаря неожиданным сюжетным поворотам, нередко таинственным событиям, деталям, создающим особый антураж. Так, в «Снеговике» Ю Несбё атмосфера страха нагнетается с первых строк повествования, когда в Норвегии в конце ноября выпадает первый снег, становящийся предвестником очередного преступления, ибо из года в год в этот день бесследно исчезают замужние женщины. Неожиданно появляющийся как предзнаменование убийства снеговик, возникающий буквально из ниоткуда перед домом Юнаса, вызывает у мальчика необъяснимый, животный страх: «Юнас забрался на стул и выглянул на улицу. А там, посреди газона, прямо напротив их дома, и правда стоял большой снеговик. Глаза и рот выложены камешками, а нос сделан из морковки <...>, да и рука была всего одна — тонкая веточка, выдернутая, как догадался Юнас, из изгороди. И еще кое-что было не так: снеговик стоял неправильно. Юнас не смог бы этого объяснить, но чувствовал...» [Несбё, 2018, с. 31]. Наконец, этой же ночью, проснувшись от кошмарного сна, Юнас, пытаясь отыскать пропавшую мать, выбегает во двор: «И тут его взгляд упал на снеговика. Тот стоял как и прежде, без движения, все также повернувшись к дому <...> Но все-таки кое-что изменилось <...>. Он не мог сдвинуться с места, стоял как вкопанный <...>: до него только что дошло, почему снеговик показался таким знакомым. Теперь на нем был шарф. Розовый шарф. Шарф, который Юнас подарил маме на Рождество» [Несбё, 2018, с. 43—44]. В этом же романе нагнетанию страха способствует и таинственное письмо, которое получает Харри Холе, ведя расследование: «Скоро выпадет первый снег. И тогда он снова объявится. Снеговик. А когда снег растает, он снова кого-то заберет с собой. Ты должен спросить себя вот о чем. Кто сделал снеговика? Кто породил Мурри? Потому что сам снеговик об этом не знает» [Несбё, 2018, с. 91]. Примечательно, что письмо, написанное убийцей, отсылает к прошлому Холе: Мурри — псевдоним серийного маньяка, которого Холе застрелил в Австралии несколько лет назад («Нетопырь»). В «Секте с туманного острова» М. Линдстин в лучших традициях

европейской готики [Осьмухина и др., 2019] созданию атмосферы страха, окутывающей все здание усадьбы, ужаса, нагнетаемого повествованием, способствуют неожиданная абсолютная тишина, «будто за толстыми стенами смолкло вечное гудение мира» [Линдстин, 2020, с. 24], возникающий необъяснимый шорох, смятение и страх, испытываемый обитателями «Виа Терры», таинственная смерть одного из них в морской пучине. Сама героиня чувствует нечто жуткое, впервые оказавшись в усадьбе: «...здесь царила непонятная, слегка настораживающая атмосфера. В чем она проявлялась, София определить не могла: “Здесь так красиво, что дух захватывает, и тем не менее меня пробирает дрожь”, — подумала она» [Линдстин, 2020, с. 24]. В «Трупном цветке» Элоизу охватывает первобытный страх и отвращение, когда она погружается в расследование преступлений секретной «ложи», а затем и шок, когда узнаёт правду о собственном отце: «Ужасная тоска, заставившая её заплакать, вновь уступила место невыразимой горечи. Негодованию и возмущению» [Ханкок, 2021, с. 227]. В «Девушке с татуировкой дракона» С. Ларссона ужас проникает в сознание Блумквиста, когда он изучает историю семьи Вангеров, насыщенную извращенными ритуальными убийствами, насилием, инцестуальным в том числе; кульминацией же в нагнетании страха в первой части становится сцена, когда Блумквист захвачен Мартином Вангером и заточен в подвал его дома, а перед смертью вынужден с отвращением слушать историю грязных преступлений Мартина и его отца. Во второй части трилогии примечательна страшная атмосфера детской психиатрической клиники Петера Телебориана, где несколько лет насильственно содержалась Лисбет. Равно как и персонаж известного фильма немецкого экспрессионизма «Кабинет доктора Калигари» (1920), Телебориан — садист и маньяк, наслаждающийся властью над своими подопечными; ужасающе выглядит и сцена, когда отец и брат Лисбет хоронят её заживо.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, проанализировав современные скандинавские романы, обозначаемые как «нордический нуар», мы пришли к следующим выводам.

Очевидно, что ни к одному из новейших скандинавских романов не применима дефиниция «скандинавский (нордический)» нуар. В жанровом отношении фактически каждое из этих произведений являет собой детектив, сочетающий в себе и другие жанровые элементы. Так, «Миллениум» С. Ларссона, «Снеговик», «Леопард», «Королевство» Ю Несбё, «Трупный цветок» А. М. Ханкок синтезируют элементы детектива, семейного и социального романа благодаря вплетению в структуру детективного сюжета истории той или иной семьи и социальной проблематики; «Терапевт»

Х. Флод — это синтез психологического триллера и детектива; «Секта с туманного острова» М. Линдстин сочетает свойства готического романа (особый замкнутый хронотоп усадьбы, являющийся аналогом замкового хронотопа; герой-злодей, определяющий сюжетное разворачивание) и психологического детектива (героиня-расследователь, реконструирующая события прошлого, опирающаяся на логику в раскрытии тайны и придающая реалистическую мотивировку происходящему).

Перспективы исследования видятся нам в дальнейшем осмыслении современного скандинавского остросюжетного романа синтетической структуры, к примеру, трилогии Никласа Натт-о-Дага, соединяющей элементы детектива и исторического романа, романов Анне Метте Ханкок «Собираатель лиц», «Питбуль», синтезирующих элементы детектива и психологического триллера. За пределами нашего исследования, в силу ограниченности объема, остались и современные исландские романы Ирсы Сигурдардоттир («ДНК», «Расплата», «Последние ритуалы», «Возьми мою душу» и др.). И наконец, одной из перспектив может стать анализ национальных особенностей шведских, норвежских, датских, исландских детективных романов.

Источники

1. *Ларссон С.* Девушка, которая взрывала воздушные замки / Стиг Ларссон ; [пер. со швед. А. В. Савицкой]. — Москва : Эксмо ; Санкт-Петербург : Домино, 2012а. — 784 с. — ISBN 978-5-699-76246-0.
2. *Ларссон С.* Девушка, которая играла с огнем / Стиг Ларссон ; [пер. со швед. И. Стребловой]. — Москва : Эксмо ; Санкт-Петербург : Домино, 2012b. — 720 с. — ISBN 978-5-699-38923-0.
3. *Ларссон С.* Девушка с татуировкой дракона / Стиг Ларссон ; [пер. со швед. А. В. Савицкой]. — Москва : Эксмо ; Санкт-Петербург : Домино, 2012с. — 624 с. — ISBN 978-5-699-54019-8.
4. *Линдстин М.* Секта с туманного острова / Мариэтт Линдстин ; [пер. со швед. А. В. Савицкой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 448 с. — ISBN 978-5-04-108435-6.
5. *Несбё Ю.* Королевство / Ю Несбё ; Пер. с норв. А. Наумовой, Д. Гоголевой. — Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 576 с. — ISBN 978-5-389-17932-5.
6. *Несбё Ю.* Леопард / Ю Несбё ; Пер. с норв. Т. Арро. — Москва : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2017. — 768 с. — ISBN 978-5-389-04018-2.
7. *Несбё Ю.* Снеговик / Ю Несбё ; Пер. с норв. Е. Гудовой. — Москва : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. — 544 с. — ISBN 978-5-389-02594-3.
8. *Флод Х.* Терапевт / Хелене Флод ; [перевод с норвежского А. И. Ливановой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — ISBN 978-5-04-113357-3.
9. *Ханкок А. М.* Трупный цветок / А. М. Ханкок ; [перевод с датского М. В. Шершаковой]. — Москва : Эксмо, 2021. — 228 с. — ISBN 978-5-04-110463-4.
10. *Interview with cinema Scandinavia Editor-In-Chief Emma Vestrheim* [Electronic resource]. — July 16, 2019. — Access mode : <https://www.film inquiry.com/interview-emma-vestrheim/> (accessed 04.10.2022).

Литература

1. *Алешничева Т.* Мокрое дело и сухой закон [Электронный ресурс] / Т. Алешничева // Коммерсантъ Weekend. — 2014. — № 10 (10). — Выпуск 39. — С. 12. — Режим доступа : <https://www.kommersant.ru/doc/2579962#kids> (дата обращения 04.10.2022).
2. *Васильченко А. В.* Пули, кровь и блондинки. История нуара / А. В. Васильченко. — Москва : Пятый Рим, 2019. — 352 с. — ISBN 978-5-9500937-6-0.
3. *Вулис А.* Поэтика детектива [Электронный ресурс] / А. Вулис. — Режим доступа : <http://literra.websib.ru/volsky/text.htm?236> (дата обращения 04.10.2022).
4. *Казачкова А. В.* Жанровая стратегия детективных романов Бориса Акунина 1990 — начала 2000-х гг. : автореферат диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. В. Казачкова. — Нижний Новгород, 2015. — 24 с.
5. *Каплун М.* Скандинавский нуар [Электронный ресурс] / М. Каплун // Lumiere. Журнал о кино. — 2014. — 11 декабря. — Режим доступа : www.lumiere-mag.ru (дата обращения 04.10.2022).
6. *Кобленкова Д. В.* Шведский нереалистический роман второй половины XX — начала XXI века / Д. В. Кобленкова ; отв. Ред. Т. А. Тоштендаль-Салычева. — Москва : РГГУ, 2016. — 447 с. — ISBN 978-5-7281-1852-7.
7. *Козина Ю. Е.* Современный шведский детектив как синкретический жанр (к постановке проблемы) / Ю. Е. Козина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2014. — № 2 (3). — С. 254—257.
8. *Новицкая И. Я.* Может ли быть качественной общемировая массовая культура : «Скандинавский нуар» — древняя скандинавская сага на современный лад (Статья 3) / И. Я. Новицкая // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. — 2019. — № 4 (30). — С. 60—77. — ISBN 2076-7919.
9. *Осьмухина О. Ю.* Образ героя-детектива : специфика интерпретации литературы и современным кинематографом / О. Ю. Осьмухина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — № 2 (12). — С. 389—393. — DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.83.
10. *Осьмухина О. Ю.* Синтез комикса и нуар-стилистики в серии «графических романов» Ф. Миллера «SIN CITY» : к проблеме реинтерпретации / О. Ю. Осьмухина, И. Р. Куряев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 3 (81). — Ч. 1. — С. 49—52.
11. *Осьмухина О. Ю.* Специфика преломления готической традиции в романе Г. Леру «Призрак Оперы» / О. Ю. Осьмухина, А. Б. Танасейчук // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. — 2019. — № 1 (28). — С. 76—84.
12. *Пономарева Е.* Петербургский текст с оттенком нуара (сборник малой прозы «Петербург нуар») / Е. Пономарева, Э. Пономарева // Филология и культура. Philology and Culture. — 2020. — № 4 (62). — С. 124—133. — DOI: 10.26907/2074-0239-2020-62-4-124-133.
13. *Пушкин С. А.* Экзистенциализм как квинтэссенция неонуара / С. А. Пушкин // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2016. — № 1. — С. 29—35.
14. *Титова Е. В.* Терминологический анализ как метод и задача исследования [Электронный ресурс] / Е. В. Титова // Эмиссия. Оффлайн. Письма. Электронное научное издание (научно-педагогический Интернет-журнал). — 2010. — Режим доступа : <http://www.emissia.org/offline/2010/1425.htm> (дата обращения 04.10.2022).
15. *Тихонова О. В.* Визуализация детективного жанра и тип сканди-полицейского : сериал «Мост» в литературном контексте / О. В. Тихонова // Мировая литература

на перекрестке культур и цивилизаций (Симферополь, КФУ им. В. И. Вернадского). — 2016. — № 2 (14). — С. 121—133.

16. Тихонова О. В. Скандинавский детектив / О. В. Тихонова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2014. — № 2 (3). — С. 156—160.

17. Федунина О. Кругозор героя в криминальном нарративе : жанровый аспект / О. Федунина [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2628912> (дата обращения 19.01.2023).

18. Шарапенкова Н. Г., Сафрон Е. А. Трансформация женского начала в романах П. Хёга «Смилла и ее чувство снега» и Э. А. Сунда «Слабость Виктории Бергман» / Н. Г. Шарапенкова, Е. А. Сафрон // *Studia Humanitatis Borealis*. — 2022. — № 1 (22). — С. 29—37. — DOI: 10.15393/j12.art.2022.3803.

19. Bergman K. From Literary Girl to Graphic Novel Hero : Trans-medial Transformations of Stieg Larsson's Lisbeth Salander / K. Bergman // *Journal of Specialised Translation*. — 2014. — 22 July. — Pp. 93—109.

20. Bergman K. Navigating the Borders of Reality : Johan Theorin and the Gothic Revival in Swedish Crime Fiction / K. Bergman // *Crime Fiction : A Critical Casebook*. Butler, S. & Sienkiewicz-Charlish, A. (red.). — Berlin : Peter Lang Publishing Group, 2018. — Pp. 15—29. — ISBN 9783653052299.

21. Chandler R. R. The simple Art of Murder / R. R. Chandler // *Crime in Good Company*. — London : Constable, 1959. — Pp. 103—104.

22. Forshaw B. Nordic Noir : The Pocket Essential Guide to Scandinavian Crime Fiction, Film & TV / B. Forshaw. — Harpenden : Pocket Essentials, 2013. — 161 p. — ISBN 9781842439876.

23. Gallanger P. Nordic noir's sexual violence attacked by British crime writer [Electronic resource] / P. Gallanger // *The Guardian*. — 2013. — 28 September. — Access mode : <https://www.theguardian.com/books/2013/sep/29/nordic-noir-violence-against-women> (accessed 07.01.2023).

24. Lesser W. Scandinavian Noir : In Pursuit of a Mystery / W. Lesser. — New York : Farrar, Straus and Giroux, 2020. — 289 p.

25. Miller L. The Strange Case of the Nordic Detectives [Electronic resource] / L. Miller // *The Wall Street Journal*. — 2010. — January 15. — Access mode : <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052748703657604575004961184066300> (accessed 04.10.2022).

26. Nestingen A. Unnecessary Officers : Realism, Melodrama and Scandinavian Crime Fiction in Transition / A. Nestingen // *Scandinavian Crime Fiction*, edited by Andrew Nestingen and Paula Arvas, 1st ed. — Cardiff : University of Wales Press, 2011. — Pp. 171—184.

27. Povlsen K. K. Gender and Geography in Contemporary Scandinavian Television Crime Fiction / K. K. Povlsen // *Scandinavian Crime Fiction* / A. Nestingen and P. Arvas (eds.). — Cardiff : University of Wales Press, 2011. — 196 p.

28. Symons J. Bloody Murder : From the Detective Story to the Crime Novel / J. Symons ; 3d rev. ed. — New York : Mysterious Press, 1992. — 349 p.

29. *The Poetics of Murder* : Detective Fiction and Literary Theory / Ed. Glenn W. Most and William W. Stowe. — San Diego, CA : Harcourt Brace Jovanovich, 1983. — 394 p.

Material resources

Flod, H. (2020). *Therapist*. Moscow: Eksmo. 352 p. ISBN 978-5-04-113357-3. (In Russ.).

Hankok, A. M. (2021). *Corpse flower*. Moscow: Eksmo. 228 p. ISBN 978-5-04-110463-4. (In Russ.).

Interview with cinema Scandinavia Editor-In-Chief Emma Vestrheim (2019). July 16. Available at: <https://www.filminquiry.com/interview-emma-vestrheim/> (accessed 04.10.2022).

- Larsson, S. (2012a). *The girl who blew up castles in the air*. Moscow: Eksmo; St. Petersburg: Domino. 784 p. ISBN 978-5-699-76246-0. (In Russ.).
- Larsson, S. (2012b). *The girl who played with fire*. Moscow: Eksmo; St. Petersburg: Domino. 720 p. ISBN 978-5-699-38923-0. (In Russ.).
- Larsson, S. (2012c). *The girl with the dragon tattoo*. Moscow: Eksmo; St. Petersburg: Domino. 624 p. ISBN 978-5-699-54019-8. (In Russ.).
- Lindstin, M. (2020). *The Sect from the Misty Island*. Moscow: Eksmo. 448 p. ISBN 978-5-04-108435-6. (In Russ.).
- Nesbe, Yu. (2021). *Kingdom*. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus. 576 p. ISBN 978-5-389-17932-5. (In Russ.).
- Nesbe, Yu. (2017). *Leopard*. Moscow: The foreigner, ABC-Atticus. 768 p. ISBN 978-5-389-04018-2. (In Russ.).
- Nesbe, Yu. (2018). *The Snowman*. Moscow: The Foreigner, ABC-Atticus. 544 p. ISBN 978-5-389-02594-3. (In Russ.).

References

- Alyoshnicheva, T. (2014). Wet case and dry law. *Kommersant Weekend*, 10 (10) / 39: P. 12. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2579962#kids> (accessed 04.10.2022). (In Russ.).
- Bergman, K. (2014). From Literary Girl to Graphic Novel Hero: Trans-medial Transformations of Stieg Larsson's Lisbeth Salander. *Journal of Specialised Translation*. 22 July. 93—109.
- Bergman, K. (2018). Navigating the Borders of Reality: Johan Theorin and the Gothic Revival in Swedish Crime Fiction. In: *Crime Fiction: A Critical Casebook*. Berlin: Peter Lang Publishing Group. 15—29. ISBN 9783653052299.
- Chandler, R. R. (1959). The simple Art of Murder. In: *Crime in Good Company*. London: Constable. 103—104.
- Fedunina, O. *The hero's outlook in the criminal narrative: genre aspect*. Available at: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2628912> (accessed 19.01.2023). (In Russ.).
- Forshaw, B. (2013). *Nordic Noir: The Pocket Essential Guide to Scandinavian Crime Fiction, Film & TV*. Harpenden: Pocket Essentials. 161 p. ISBN 9781842439876.
- Gallanger, P. (2013). Nordic noir's sexual violence attacked by British crime writer. *The Guardian*. 28 September. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2013/sep/29/nordic-noir-violence-against-women> (accessed 07.01.2023).
- Kaplun, M. (2014). Scandinavian noir. *Lumiere. Magazine about cinema*. December 11. Available at: www.lumiere-mag.ru (accessed 04.10.2022). (In Russ.).
- Kazachkova, A. V. (2015). *Genre strategy of Boris Akunin's detective novels of the 1990s — early 2000s*. Author's abstract of PhD Diss. Nizhny Novgorod. 24 p. (In Russ.).
- Koblenkova, D. V. (2016). *Swedish unrealistic novel of the second half of the XX — beginning of the XXI century*. Moscow: RSUH. 447 p. ISBN 978-5-7281-1852-7. (In Russ.).
- Kozina, Yu. E. (2014). Modern Swedish detective as a syncretic genre (to the formulation of the problem). *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 2 (3): 254—257. (In Russ.).
- Lesser, W. (2020). *Scandinavian Noir: In Pursuit of a Mystery*. New York: Farrar, Straus and Giroux. 289 p.
- Miller, L. (2010). The Strange Case of the Nordic Detectives. *The Wall Street Journal*. January 15. Available at: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052748703657604575004961184066300> (accessed 04.10.2022).

- Nestingen, A. (2011). Unnecessary Officers: Realism, Melodrama and Scandinavian Crime Fiction in Transition. In: *Scandinavian Crime Fiction, edited by Andrew Nestingen and Paula Arvas, 1st ed.* Cardiff: University of Wales Press. 171—184.
- Novitskaya, I. Ya. (2019). Can there be quality global mass culture: “Scandinavian noir” — ancient Scandinavian saga on modern lad (Article 3). *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University*, 4 (30): 60—77. (In Russ.).
- Osmukhina, O. Y., Kuryaev, I. R. (2018). Synthesis of comics and noir stylistics in the series of “graphic novels” by F. Miller “SIN CITY”: to the problem of reinterpretation. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 3 (81) / 1: 49—52. (In Russ.).
- Osmukhina, O. Y., Tanaseychuk, A. B. (2019). The specifics of the refraction of the Gothic tradition in G. Leroux’s novel “The Phantom of the Opera”. *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University*, 1 (28): 76—84. (In Russ.).
- Osmukhina, O. Yu. (2019). The image of a detective hero: the specifics of interpretation by literature and modern cinema. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 2 (12): 389—393. DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.83. (In Russ.).
- Ponomareva, E. (2020). Petersburg text with a touch of noir (collection of small prose “Petersburg Noir”). *Philology and Culture. Philology and Culture*, 4 (62): 124—133. DOI: 10.26907/2074-0239-2020-62-4-124-133. (In Russ.).
- Povlsen, K. K. (2011). Gender and Geography in Contemporary Scandinavian Television Crime Fiction. In: *Scandinavian Crime Fiction*. Cardiff: University of Wales Press. 196 p.
- Pushkin, S. A. (2016). Existentialism as the quintessence of neo-noir. *Bulletin of Vyatka State University for the Humanities*, 1: 29—35. (In Russ.).
- Sharapenkova, N. G., Safron E. A. (2022). Transformation of the feminine principle in P. Heg’s novels “Smilla and her sense of Snego” and E. A. Sunda “Weakness of Victoria Bergman”. *Studia Humanitatis Borealis*, 1 (22): 29—37. DOI: 10.15393/j12.art.2022.3803. (In Russ.).
- Symons, J. (1992). *Bloody Murder: From the Detective Story to the Crime Novel*. New York: Mysterious Press. 349 p.
- The Poetics of Murder: Detective Fiction and Literary Theory*. (1983). San Diego, CA: Harcourt Brace Jovanovich. 394 p.
- Tikhonova, O. V. (2014). Scandinavian detective. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 2 (3): 156—160. (In Russ.).
- Tikhonova, O. V. (2016). Visualization of the detective genre and the type of scandi-policeman: the series “Bridge” in a literary context. *World literature at the crossroads of cultures and civilizations (Simferopol, V. I. Vernadsky KFU)*, 2 (14): 121—133. (In Russ.).
- Titova, E. V. (2010). Terminological analysis as a method and task of research. *Issue. Offline. Letters. Electronic scientific publication (scientific and pedagogical Online magazine)*. Available at: <http://www.emissia.org/offline/2010/1425.htm> (accessed 04.10.2022). (In Russ.).
- Vasilchenko, A. V. (2019). *Bullets, blood and blondes. The history of noir*. Moscow: The Fifth Rome. 352 p. ISBN 978-5-9500937-6-0. (In Russ.).
- Vulis, A. Poetics of the detective. Available at: <http://littera.websib.ru/volsky/text.htm?236> (accessed 04.10.2022). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 12.10.2022,
одобрена после рецензирования 12.12.2022,
подготовлена к публикации 30.01.2023.